ФУТУРконгресс
с Владимиром БОРИСОВЫМ

Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно.

Станислав ЛЕМ: «Что мне удалось предсказать»

– Наверное, уже пора подвести итоги тому, что я смог сделать не в области якобы научного вымысла, а главным образом в сфере познавательно-прогностической. Точность предсказания, однако, не дает пропуска на Парнас. И в эстетически плохой упаковке может находиться твердое ядро будущей инновации, которая изменит мир. Поэтому я только скажу несколько слов о том, что мне удалось предсказать.

Пан Станислав ЛЕМ — польский писатель, фантаст, философ и футуролог. Родился 12 сентября 1921 года, умер 27 марта 2006 года.

1 Я вел себя как одинокий путник, который, находясь на краю неизвестного континента, старается распознать будущие коммуникационные пути, возможность строительства дорог в пустыне и на бездорожье, то есть тот, кто уже проектирует главные направления стратегии освоения огромной, уходящей за горизонт, безлюдной местности. В моем случае это был горизонт понятийный. Мысль, направленная в будущее, – как взгляд, брошенный вдаль: можно заметить затуманенные, непонятные формы, неизвестно, гор или скал, или только низких облаков. Эта несколько корявая метафора показывает, что легче распознать невыразительные контуры каких-то больших массивов, чем четко различить детали отдаленной местности. Неудачи футурологии возникли оттого, что она пыталась дать точные сценарии temporis futuri[1] излишне детально: она утверждала, что в политике может произойти то-то и то-то, что открытие чего-то неизвестного сегодня произойдет послезавтра, она представляла меню настолько подробное, что все происходило иначе. Только рефлекторно чувствуя, что предсказать большие или малые политические стычки не удастся, я не касался реальной политики (еще и потому, что я писал, желая при благоприятных обстоятельствах уберечься от бдительности цензоров «реального социализма»). Хотя, как видно, трудно порвать с политикой, так как можно сразу потерять читателей, жаждущих конкретики. Герман Кан, как сегодня Фукуяма или Хантингтон, – все они кропотливые исследователи и пробуют прозондировать будущее так, как будто бы должны нарисовать его на поверхности глобуса – черном, гладком шаре, который находился в географическом кабинете моей львовской гимназии. Однако чем более детален прогноз, тем легче он поддается безапелляционным фальсификациям. Ну кто сегодня читает толстые тома Кана? А ведь он установил «все» на двести лет вперед, хотя и не предусмотрел развала Советского Союза.

2 Каждый автор прогнозов – самозванец, а если его читают и цитируют с кафедр, то он становится профессионалом даже тогда, когда полностью ошибается. Я же был только любителем, туристом в будущее, предсказывал, занятый небылицами, не строил Вавилонской башни; самое высокое, на чем я расположил свои вымышленные биваки, была почва основных наук типа астрофизики. А так как я часто использовал форму и содержание гротеска, то невольно защищал мои временные постройки от самовысмеивания. Я не описывал будущие события, а только представлял различные МОДЕЛИ того, что возможно (согласно моему мнению), хотя это могло выглядеть забавно или утопически.

3 К работам политологов, экспертов по устройству мира (в основном на бумаге) я относился, как к гороскопам астрологов: я их обходил. И в то же время углублялся, исходя из возможностей, в результаты точных наук, что потом стало навыком и одновременно мучением в настоящее время. Я не экстраполировал: я всегда повторял, что молоко – никакая не «экстраполяция» коровьего пережевывания травы, хотя без травы не было бы и молока. Хотя я и сам не знаю, откуда у меня взялись эти различные помыслы и домыслы. Приведу здесь достаточно произвольно те из них, благодаря которым я получал первенство, гордо называемое пророчеством. Профессионалы же эти мои поучения не замечали (в основном в моей стране, за двумя границами же я заслужил себе имя философа будущего, ибо так меня назвали компетентные эксперты; я даже помещен в немецкой философской энциклопедии).

4 Я понимал, что в результате стремительности, которую приобрела наука, особенно во второй половине XX века, мы, как последние реликты нецивилизованной Природы, подвергнемся техновторжению. То есть возникнет биотехнология. Поэтому я закончил свою «Сумму технологии» словами, что наши языки создают ФИЛОСОФИЮ, в то время как биологический язык генов создает ФИЛОСОФОВ, и поэтому его стоит изучить, пусть он и труден. Почему-то мы начали учиться этому языку сразу как генной инженерии, которая вторглась в мир культурных растений и животных, чтобы в конце концов дойти до сферы внеполового воспроизведения в виде клонирования. В США уже заявили, что способ репродукции, ведущий к появлению людей, раз и навсегда задан их конституцией и является их личным делом, а политике вход на эту территорию запрещен. Когда я писал о клонировании, не было еще его и следа, и я гулял безнаказанно (в особенности это касается «Двадцать первого путешествия Ийона Тихого»[2]). Я думаю, что homo artefactus[3] также появится, независимо от того, нравится это или нет. Работа писателя не только в том, чтобы выбирать из головы и из мира лишь значительные и хорошие дела, и поэтому биотехнический перелом я посчитал неизбежным и эту тематику разработал как мог.

5 Случалось, что я под видом поэтической вольности публиковал мысли, которые и сам бы не принял всерьез. В «Восемнадцатом путешествии Ийона Тихого»[4] я совершил безумное по своей дерзости покушение на Вселенную. Мой герой, ученый, некий Разглыба (полонизированный Эйнштейн), заявил, что Космос – это всего лишь колебания небытия, такие, которые совершают виртуальные частицы (мезоны), но так как он очень большой, то очень большими должны быть и колебания, которые его породили. Прошло несколько десятков лет, и вот у космологов можно прочитать, что, поскольку материя и энергия Космоса при сложении друг с другом дают НУЛЬ, то, следовательно, Космос может в любую минуту исчезнуть в небытие, из которого появился. Поэтому Космос существует в КРЕДИТ и, возможно, не имеет (говоря языком топологии) никакой границы: BIG BANG, возможно, был только переходным явлением. Вселенная, возможно, является одной ужасной ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ, нелегальной ссудой без покрытия. Хотя сейчас борьба космологических гипотез идет по-прежнему, но, как это было с космогонией, эмпирическими методами, возможно, мы не сможем их проверить и истину не узнаем никогда. Только если удастся овладеть технологией космопродукции, когда другой мой герой (профессор Доньда) напишет задуманный труд под названием «Inquiry into the Technology of Cosmoproduction»[5]. В рассказе[6] вследствие суперконцентрации информации возникает «космосенок». Это уже похоже на полный абсурд, но Хоукинг ввел в физику через квантовые двери термин baby universes, вселенных-малюток. В общем говоря, это означает, что возможности придумывания самых разнообразных конструкций для всех человеческих голов ограничены (и, несмотря на это, существует математическая теория множеств, с ее бесконечностями и забесконечностями, к сожалению, немного поточенная парадоксами), то есть мы, независимо друг от друга, повторяемся.

6 Многое изменилось и в теории эволюции. Во-первых, изображенное в моем романе «Непобедимый»[7] явление мертвой эволюции автоматов, в которой маленькие дети побеждают род мегароботов, уже нашло свой плацдарм в реальности в виде так называемого «чипа Дарвина», зернышка некроэволюции, о котором я читал в одном из последних номеров «New Scientist». Дождалась реабилитации и телепортация, которую я логически мучил в первом разделе моих «Диалогов», написанных в 1953-1954 годах и изданных во время оттепели в 1956 году. Я все время удивлялся, что в стране на эту тему никто даже не пискнул, и только сейчас, независимо от меня, пишут о парадоксах рекреации из атомов в Англии и Германии. Мой «Голем XIV»[8] назвал естественную эволюцию «блужданием ошибки», так как, если бы не появились неточности в наследственных репликациях, то на Земле ничего бы не жило, кроме каких-то амеб, а так из ошибок выросли лягушки (в последнее время повсеместно гибнущие), деревья, жирафы, слоны, обезьяны и, наконец, мы сами. Сегодня эволюция называется (это говорят ведущие американские эволюционисты, такие, как Стивен Гулд или Брайан Гудвин) танцем генов, который в принципе не является процессом все более поступательным. Об этом я опять-таки написал когда-то эссе под названием «Биология и ценности»[9], но и о нем в стране ни одна хромая собака не отозвалась.

7 Зато о том, что моя фантоматика, подробно описанная тридцать шесть лет назад в «Сумме технологии», теперь известна как виртуальная реальность, некоторые в стране уже знают, в то время как за границей об этом говорят только там, где «Сумма» была переведена (приписанный к скромному штату science fiction, я не мог рассчитывать на издание этой книги в США, ибо это была не SF, поэтому возможное восприятие этого произведения ограничилось некоторыми странами Европы)[10]. Меня удивляет, что эта книга до сегодняшнего дня живет, то есть говорит читателю о том, что есть и что может быть. Наверное, зря ее высмеял Лешек Колаковский в журнале «Творчество» в 1964 году.

8 Об информации, используемой как оружие, я тоже писал в «Рассказе Второго Размороженца» в «Воспитании Цифруши»[11]. Там шла «война за информацию без огнестрельного или ядерного оружия, шла бомбардировка информацией («лгаубицами»)».

9 Также под названием «рассеянного интеллекта» блеснула в муравейниках и в гнездах термитов насекомоподобная «некросфера», названная «черным облаком» в «Непобедимом».

10 Сегодня существуют два направления главного удара в точных науках: в биологии это атака на рекомбинат ДНК, на спирали нуклеотидов, то есть на «высказывания» химического молекулярного языка, штурм его созидательной силы, – которая должна рано или поздно достичь терапевтической, рекомпозиционной и, наконец, неокомпозиционной автоэволюции человека. О ее возможном использовании и злоупотреблениях ею, о хорошем плохого начала и неотвратимом конце я писал, когда еще вся эта область была исключительно колебаниями моего воображения, в «Двадцать первом путешествии Ийона Тихого». Ни на минуту не допуская, что генный, прекрасный мир откроет свои ворота еще при моей жизни и обнажит настоящие пропасти, в которые можно вводить измененные по нашему желанию жизни, я писал язвительно, свободно, издевательски, то есть так, как сегодня, в эпоху первых свершений, уже не отважился бы.

11 Второй гипотезообразующий удар физиками и космологами направлен во Вселенную. Последние годы породили взаимно противоречивые гипотезы (которые, кроме компьютерного моделирования, можно проверить не иначе как через интерпретации и реинтерпретации реальности мега- и микромира). Из этой мешанины выглядывает образ квантового Космоса, который появился из Небытия, о чем я, – но только на правах насмехающегося над притязаниями разума, – писал давно.

12 Эта самая большая из возможных вещей, каковой является Космос, начала в последнее время, по предположениям физиков, угрожать нам столкновениями с метеоритами, астероидами или кометой, апокалиптической катастрофой, жертвами которой – а не только зрителями, как в кино или по телевизору – мы можем стать вместе со всей цивилизацией. Публика, очевидно, любит смотреть на пожары, потопы, ураганные катаклизмы, которые происходят и поглощают ДРУГИХ, поэтому самые крупные кинофабрики не экономят миллионы на такие разнузданные зрелища. Но я не перестаю избегать этих ужасов, которые поглощают зачарованные зрители, наполняя при случае определенные кассы. Я не нахожу удовольствия в таких игрищах, поэтому у меня трудно найти излюбленные science fiction «страшные концы света». Может, мне не хватает воображения, но у меня нет и тяги к виду всесокрушающих катаклизмов, охватывающих сушу гривами огня и километровыми волнами вулканических прибоев, хотя я знаю, что Земля – за миллионы лет до появления человека – была подвержена бомбардировкам (уничтожающим до девяноста процентов всего живого), идущим из слепого, поблескивающего суперновыми звездами космического окружения. Эту тему, эту область уничтожения я обходил и тем самым умолчал хотя бы о части тех материальных напастей, которым всегда подвержено человечество, хотя катастрофисты, состязающиеся в размерах угроз и уничтожений, обильно занимают почетные места в научной и менее научной фантастике XX века.

Перевел с польского Виктор ЯЗНЕВИЧ

Фото Франца РОТТЕНШТАЙНЕРА

1. Будущее время (лат.).
2. Рассказ написан в 1971 году.
3. Человек искусственный (лат.).
4. Рассказ написан в 1971 году.
5. «Введение в технологию космопродукции» (англ.).
6. Речь идет о повести «Профессор А.Доньда», написанной в 1975 году.
7. Роман написан в 1963 году.
8. Фантастическое эссе написано в 1973 году.
9. Статья написана в 1968 году.
10. Американцы опомнились, перевели и издали «Сумму технологии» лишь в прошлом, 2013 году.
11. Рассказ написан в 1974 году, входит в цикл «Киберриада».